

разрываются девять массовых могил, в которых похоронено свыше 30 тысяч военнопленных и мирного населения еврейской и белорусской национальностей, расстрелянных немцами в 1941–1942 гг. Извлеченные из могил трупы обливаются горючим и сжигаются» [5].

Всего в результате проведения «операции 1005» было эксгумировано и сожжено более 300 тысяч трупов [6 с. 150].

На основании проведённого исследования можно заключить, что немецкое руководство, учитывая сложившиеся положение в тылу и на фронте, перешло к массовому вывозу материальных и людских ресурсов, а также уничтожению белорусского гражданского населения, которое было непригодно к использованию в промышленности Третьего Рейха. Именно на этот период пришёлся пик проведения карательных операций и ухудшения положения белорусского гражданского населения, которые стали заложниками нацистской системы и самых чудовищных военных преступлений. В связи с наступлением частей Красной Армии и понимая поражение в Беларуси нацистами была проведена «операция 1005» по уничтожению следов геноцида белорусского народа.

Литература

1 Освобождение Беларуси. 1943–1944 гг. / В. В. Абатуров, А. М. Литвин, Н. Ф. Азяский. – Минск : Белорусская наука, 2014. – 992 с.

2 Распоряжение А. Розенберга рейхскомиссарам Остланда, Украины и Генеральному комиссару Белоруссии о поставке в Германию 350 000 рабочих от 11 января 1944 г. // Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941 – 1944) : документы и материалы : в 2 кн. – Кн. 2 (1943–1944) / сост. Г. Д. Кнатько, В. И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 1997. – С. 265–267.

3 Телеграмма сотрудника Минского СД Вильке командиру полиции безопасности и СД Минска о результатах антипартизанской операции «Фриц» // Трагедия белорусских деревень, 1941–1944 : документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова, [и др.] ; редкол. В. И. Адамушко [и др.]. – Москва : Фонд «Историческая память», 2011. – С. 244–245.

4 Акт ЧГК об умышленном распространении немецко-фашистскими палачами сыпного тифа среди советского населения // Лагери смерти : сб. док. О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии / Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – Москва : ОГИЗ «Политиздат», 1944. – С. 10.

5 Сообщение НКГБ БССР № 4/3-71 в ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР о попытках немцев ликвидировать следы своих преступлений [Электронный ресурс] : 16 мая 1944 г. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/180005>. – Дата доступа: 22.04.2024.

6 Кулинок, С. В. «Операция 1005»: уничтожение нацистами следов преступлений на территории Беларуси в 1943–1944 гг. / С. В. Кулинок // Журнал российских и восточноевропейских исследований. – 2021. – № 2 (77) – С. 126–185.

УДК 811.161.3'42'25:821.161.3-311.6

Е. А. Титоренко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ КНИГИ “Я З ВОГНЕННАЙ ВЁСКІ...”

В статье анализируются особенности традиционной военной прозы, отмечаются изменения, произошедшие в организации повествования документальной книги “Я з вогненнай вёскі...”. Особое внимание уделено переводу аутентичной белорусской

лексики на русский и английский языки. Исследование основывается на анализе различных переводческих приёмов (калькировании, модуляции, транскрипции и транслитерации), которые используются с целью сохранения языковых особенностей оригинального повествования.

Тема Великой Отечественной войны стала одной из центральных в белорусской литературе после 1950-х годов. Авторы не только стремились запечатлеть пережитый опыт, но и осмыслить природу зла, с которым столкнулся белорусский народ. Для этого белорусские писатели стали осваивать новые жанровые формы документальной литературы. В данный период был опубликован ряд знаковых документальных произведений, которые заложили фундамент для дальнейшего развития не только белорусской документальной прозы. Одним из таких произведений является документальная книга «Я з вогненнай вёскі...» (1975), написанная белорусскими авторами Алесем Адамовичем, Янкой Брылём и Владимиром Колесником. Документальную книгу можно назвать своеобразной летописью боли белорусского народа, который буквально собственной плотью ощутил жестокость и бесчеловечность фашизма. Важно отметить специфику произведения: оно является текстовой передачей диктофонных записей людей, которые пережили сожжение своих деревень.

В контексте развития традиционной военной прозы важно выделить некоторые новаторские особенности документальной повести «Я з вогненнай вёскі...». Первые произведения о Великой Отечественной войне создавались профессиональными писателями, которые имели собственный боевой опыт. И долгое время в центре повествования был герой, фиксация его подвигов и прославление мужества. Произведение «Я з вогненнай вёскі...» доказало, что в центре повествования о войне может быть не только герой, но и обычный человек, очевидец событий. В книге авторы не прославляют мужество и не воспевают подвиги, они показывают читателям войну глазами обычных людей, раскрывая читателям их переживания, чувства и эмоции. В книге собраны свидетельства людей, которые смогли избежать смерти и своими глазами наблюдали уничтожение своих домов, убийство родственников и односельчан. Авторы объездили 147 деревень в 35 районах Беларуси, чтобы записать на диктофон воспоминания более 300 непосредственных участников событий.

Главный замысел своей работы авторы сформулировали в предисловии к книге: «Сберечь, удержать, как «плазму», невыносимую температуру человеческой боли, недоумения, гнева, которые не только в словах, но и в голосе, в глазах, на лице, удержать все то, что, как воздух, окружает человека, который рассказывал нам, а теперь со страниц книги обращается к читателю – к вам обращается» [1, с. 19]. Также в предисловии Алесь Адамович пишет следующее: «Когда мы делали книгу о Хатынях, друзья интересовались: все это нужно, важно, но что делать здесь писателю? Приехал, пришел, включил микрофон, записал... Но при чем тут писатель, художник?» [1, с. 12]. Это важный момент для понимания авторского замысла, который нуждается в пояснении. Авторы книги, в особенности Алесь Адамович, считали своим долгом сохранение народной и коллективной памяти. По мнению Адамовича, это нелегкое дело начинающий писатель выполнить не сможет, поскольку он еще не прошел собственный путь творческого становления: начинающий автор желает самореализоваться, показать собственное уникальное виденье, приобретенные навыки и авторский стиль. В данном случае, как указывали сами авторы, нужна смиренность и способность быть проводником между воспоминаниями очевидцев и потенциальным читателем. Профессионалы же, наоборот, способны выслушать свидетелей и придать их воспоминаниям подходящую форму. Действительно, в данной книге читатель почти не найдет голоса авторов и оценки происходящего.

Книга получила широкое распространение, неоднократно переиздавалась, была переведена с белорусского на русский, украинский, чешский, английский, венгерский,

польский и болгарский языки, фрагменты печатали румыны и словаки. Цель нашего исследования – изучить приёмы перевода аутентичной лексики, которая присутствует в документальной книге “Я з вогненнай вёскі...”, на русский и английский языки, чтобы понять подход переводчиков к сохранению языковых особенностей белорусской культуры.

Оригинальное название “Я з вогненнай вёскі...” на русский язык переведено как «Я из огненной деревни...», то есть применен способ калькирования. Калькирование – переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода [2, с. 73]. В свою очередь, английский вариант названия звучит как “Out of the fire”. Переводчик не стал прибегать к калькированию и переводить название как “I’m from the village of fire”. Используя метод лексической модуляции, переводчик сделал название короче, но не уменьшил его содержательность. Модуляция – прием для создания соответствий путем изменения типа сообщения, описывающего идентичную ситуацию [2, с. 115].

О самых жутких минутах люди из огненных деревень чаще всего говорят одной, двумя фразами: “Пішчаць, выноць... брэшучь...” [3, с. 46]. Данные глаголы имеют яркий эмоциональный окрас, поэтому важно проанализировать, какие лексические единицы были использованы при переводе на русский и английский языки. На русский язык переведено как «Пищат, лают... воют...» [1, с. 55]. Таким образом, переводчик подобрал эквиваленты в русском языке и поменял местами два последних глагола. Подбор соответствующих эквивалентов в белорусском и русском языках является относительно простым процессом, поскольку языки принадлежат к общей группе восточнославянских языков. В свою очередь, подбор эквивалентов между английским и русским / белорусским языками является более сложной задачей из-за принадлежности английского языка к группе западногерманских языков. Для перевода на английский язык переводчик выбрал следующие словоформы: “They were screeching, barking... howling...” [4, с. 46]. Так как на английский язык переводился не белорусский оригинал, а русский перевод, то порядок глаголов русского варианта сохранился.

Многие опрошенные очевидцы, описывая свои переживания в трагических обстоятельствах, подбирали одинаковые слова и фразы: “Я думаю, што ўжо ўвесь свет – нідзе на свеце нікога няма. І відна было, як Акцябр гарэў. Дык думалася, што ўжо ўсё...” [3, с. 44]. В данном случае нас интересует перевод исключительно на русский язык: «Я думаю, что уже весь свет – нигде на свете никого нема. И видно было, как Октябрь горел. Дак думалось, что уже все...» [1, с. 60]. В переводе данного отрывка важно выделить один момент, а именно передачу белорусского слова “няма” как «нема» с помощью приема транскрипции. Транскрипция – это переводческий прием, основанный на фонетическом принципе, то есть на передаче русскими буквами звуков иноязычного (иностранного) наименования [2, с. 227]. Таким образом, переводчик решил не заменять русским эквивалентом «нет», а сохранить аутентичную лексическую единицу белорусского языка. Подобный приём можно встретить почти на каждой странице русскоязычного перевода.

Еще один пример: А тут от мне пальто шкварыцца, гарыць, а я яго то пяском, то так [3, с. 9]. Данное предложение было переведено так: «А тут вот мое пальто шкварыцца, горит, а я его то песком, то так». Наше внимание привлёк приём перевода диалектизма “шкварыцца”. В данном случае была использована транслитерация. Транслитерация – это переводческий прием, основанный на передаче графического образа иностранного слова, то есть на передаче букв [2, с. 227]. Переводчик осознанно решает оставить белорусские диалектизмы, специфические для местности слова, передавая их транслитерацией или транскрипцией. Еще один показательный пример: “Пайду я картошкі, хвасолі прынясу” [3, с. 11]. Слово «хвасоль» (рус. ‘фасоль’) в переводе на английский

язык было переведено как “beans”, то есть подобран прямой эквивалент данной лексической единицы, но в русском языке автор вновь оставил белорусское слово: «Пойду я картошки, хвасоли принесу» [1, с. 25].

Подобным образом на русский язык переведены и речевые ошибки, которые очевидцы по разным причинам допускают в речи. Например, в одной из глав ребенок в слове «партизан» допускает очевидную ошибку: “Матка, парызан, парызан!...” [3, с. 93]. На русский язык было переведено соответственно: «Матка, паризан, паризан!...» [1, с. 100]. Так как в английском языке существует слово “partisan” с аналогичным смыслом, передать данную речевую ошибку на английский язык тоже удалось: “Mother, parisian, parisian!...” [4, с. 103]. Еще один пример: “А ён трошкі быў заболены на беркулёз...” [3, с. 101]. В данном случае женщина вместо «туберкулез» говорит «беркулез». На русский было переведено как «бекрулёз», аналогично на английский – “berculosis”. Возможно, неправильности сохранены в речи героев не только для полной передачи слов очевидцев, но и для очередного напоминания читателям, что рассказчиком является не профессиональный писатель, а обычный деревенский человек.

Также следует отметить, что переводчик на русский язык сохранил и некоторые традиционные белорусские обращения к человеку, например: “Матка”, “хлопец” и “донька”. Вероятно, это сделано для акцентирования внимания на социальных, в том числе семейных, связях, которые имеют большое значение для белорусской деревни, особенно в период подобной трагедии. Это позволяет сделать вывод, что переводчик четко осознает цель перевода документального произведения – сохранить идею авторов и передать русским читателем все то, над чем кропотливо они работали, собирая из фрагментов образы выжженных деревень. Авторы произведения ставили перед собой цель не только запечатлеть воспоминания очевидцев – они стремились запечатлеть и их форму, сохраняя авторскую пунктуацию, диалектизмы, жаргонизмы и просторечия. Переводчик, в свою очередь, не ищет в русском языке прямых эквивалентов, а также стремится передать не только фактическое содержание, но и внутреннюю сущность народной белорусской культуры, которая, несомненно, хранится в языке.

Данное утверждение подтверждается и способом перевода белорусских имён. В белорусском языке существует немало имен, эквиваленты которым можно найти в русском языке. Например, в произведении были такие белорусские имена, как “Вольга”, “Ганна”, “Мікалай”, “Міхась”, “Віталь” и так далее. В русском языке есть следующие прямые соответствия: «Ольга», «Анна», «Николай», «Михаил», «Виталий», однако переводчик решил сохранить звучание белорусских имен, не прибегая к использованию русскоязычных эквивалентов. Как было упомянуто выше, перевод на английский язык выполнялся на основе русскоязычного текста, соответственно, в англоязычном варианте данные имена транскрибированы и транслитерированы: “Volga”, “Ganna”, “Mikolay”, “Mikhas”, “Vital”. Таким образом, русскоязычный перевод оригинального текста является не только эффективным способом передачи элементов белорусской культуры русскоязычному читателю, но и качественным текстом для аутентичного перевода на английский язык тех лексических единиц, которые хранят в себе определенный культурный код.

Таким образом, исследование особенностей перевода документальной книги “Я з вогненнай вёскі...” позволяет понять подход переводчиков к сохранению аутентичности и языковых особенностей белорусской культуры. Перевод на русский и английский языки был осуществлен с целью сохранения внутренней сущности оригинала. При этом использовались различные переводческие приемы такие, как калькирование, модуляция, транскрипция и транслитерация. Переводчики стремились сохранить авторскую интонацию и специфические черты белорусского языка в переводах, что позволяет читателям и на других языках погрузиться во внутреннюю обстановку описываемых трагических событий.

Литература

- 1 Адамович, А. Я из огненной деревни / А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. – Москва : АСТ: ОГИЗ, 2022. – 448 с.
- 2 Нелюбин, Л. Л. Толковый переводческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
- 3 Адамовіч, А. Я з вогненнай вёскі... / А. Адамовіч, Я. Брыль, В. Калеснік. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1975. – 448 с.
- 4 Adamovich, A. Out of the Fire / A. Adamovich, Y. Bryl, V. Kalesnik. – Moscow : Progress Publisher, 1980. – 471 s.

УДК 94:338.4(476.2–37Добруш)«1945–1950»

С. В. Шешарук

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ ДОБРУША И ДОБРУШСКОГО РАЙОНА (МАЙ 1945–1950 ГОДОВ)

Статья посвящена восстановлению и укреплению экономики в Добрушском районе после Великой Отечественной войны. В ней рассмотрены мероприятия, позволяющие восстановить и способствующие укреплению экономики г. Добруша и Добрушского района в мае 1945–1950 гг. Автором была изучена периодическая печать соответствующего периода времени, материалы которой также включены и в статью.

Несмотря на то, что первые шаги по восстановлению разрушенного хозяйства Добрущины были сделаны ещё во время войны, начиная с сентября–октября 1943 г., когда сам район был уже освобождён от фашистской оккупации, вполне логично, что полностью переключиться на путь мирного строительства и созидания можно было лишь после её окончательного завершения. И это время настало: долгожданная Победа, давшаяся так тяжело всей нашей республике, всему СССР, прогремела 9 мая 1945 г. С этого времени и началось интенсивное возрождение района из руин и пепелищ. Добрущина с её трудолюбивыми и самоотверженными людьми совершила настоящий трудовой подвиг в первые пять послевоенных лет.

Уже в июне 1945 г. коллектив торфозавода «Шлях социализма» был признан одним из победителей Всесоюзного социалистического соревнования. Предприятие получило переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомата бумажной промышленности СССР, а также первую денежную премию в размере 23 000 рублей [1, с. 287].

Для Добрушской бумажной фабрики «Герой труда» 1945 г. также оказался насыщенным. В эксплуатацию было сдано основных производственных средств на 2 млн рублей. В действие были приведена очередная (уже четвёртая) бумагоделательная машина, а к середине 1946 г. планировалось запустить наиболее мощные, высокопроизводительные пятую и шестую бумагоделательные машины, установка которых началась уже в начале осени. Был обновлён рольный отдел, создавалась энергетическая база посредством установки турбины «Эрликон». Всё это делалось благодаря восьми молодёжным бригадам, работавшим над обновлением и восстановлением предприятия. В итоге в четвёртом квартале на фабрике было выпущено 85 т бумаги и 58 т картона [1, с. 287].

В победном 1945 г. произошли определённые сдвиги и в восстановлении сельского хозяйства района, несмотря на то, что по-прежнему работать приходилось в основном женщинам, старикам и подросткам. О работниках одного из передовых хозяйств Тереховской зоны – колхоза имени Ленина – писала областная газета «Гомельская праўда»